

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертационную работу Соловьева С.В.
**«Полемика Иисуса Христа с представителями иудейских религиозных течений
в свете современной библеистики»,**
представленную на соискание ученой степени кандидата богословия

Представленная к защите диссертация отражает опыт продолжительных научных трудов и исследований соискателя, начало которым было положено написанием им в 2016 г. магистерской работы на тему: «Полемика Господа Иисуса Христа с фарисеями и книжниками по Мф. 23 в контексте эпохи и святоотеческих толкованиях» (приведена в *Библиографии*: с. 272), – в которой уже заложены принципы экзегетического анализа евангельских диспутов. Впечатляет и количество публикаций автора по данной и смежной с ней темам – яркое свидетельство его неподдельного интереса к вопросу полемической окраски проповеди и учения Христа, а значит и его непосредственной вовлеченности в научный *мейнстрим* современной библеистики. Действительно, актуальность выбранной в диссертации темы не нуждается в доказательстве, и диссертант умело пользуется этим, не только ограничиваясь внимательным изучением и классификацией необыкновенно широкого, разнородного и, – так же, как и Евангелие, – полемично окрашенного фактологического материала в трудах западных новозаветных ученых, но и выстраивая свою собственную методологическую платформу.

Все это свидетельствует в пользу дальновидности, творческого характера и серьезной научной постановки данного исследования, отличающегося как широтой взглядов, так и внутренней «заряженностью», используя терминологию самого автора (с. 18), в поиске исконно православного подхода к осмыслению евангельского благовестия в форме *диспута*, и дидактико-практическим потенциалом. Это в равной степени подразумевает и использование накопленного автором материала в преподавании библейских дисциплин и дальнейшее изучение им, на основании проведенного анализа, исторических и богословских реалий евангельской полемики¹.

Анализируя содержание работы, с формальной точки зрения, укажем на ее важные качественные характеристики: четкий план, грамотно выстроенная структура, концептуальность и научная новизна, предельно ясная, живая аргументация, носящая диалогический характер.

Уже во *Введении* (10 стр.) обращает на себя внимание глубокая проработанность вопросов методологии, что в настоящее время – большая редкость. Автор творчески подходит к данному вопросу при разработке оригинальной комплексной методологии (из 6 пунктов), в которую заложен принцип взаимовлияния и взаимодополняемости в применении различных научных подходов – на примере междисциплинарных связей, логически следующих из специфики заявленной темы (с. 6).

---

¹ О практической значимости работы подробно говорится во *Введении*: с. 8.

В главе *Первой* (50 стр.) всесторонне освещается историография вопроса, причем выделяются различные тенденции в понимании сути евангельской полемики Христа и ее побудительных причин; им дается критическая оценка. Благодаря проведенной автором классификации, становится возможным выделение наиболее ярких персоналий в среде западных – христианских и иудейских – ученых, исследователей раннего христианства, раввинистического иудаизма и межзаветной литературы (ср. Э.П. Сандерс, Т.Н. Райт и др.), и соответственно выстраивание приоритетных направлений работы, которые будут развиты в последующих главах. На данном этапе следует особо отметить стиль избранной соискателем аргументации: четко определены и упорядочены тезисы каждого из цитируемых авторов, делается попытка проследить преемство отдельных идей и концепций, а также сравнить их между собой и с православным видением проблемы. Заметим также, что в рамках такой кропотливой и многоплановой работы, в общем потоке имен и частных мнений не остается в тени критический взгляд и самобытная позиция самого диссертанта как активного участника дискуссии, разворачивающейся на страницах всего исследования.

Вторая глава (38 стр.) логически следует из *Первой*, поскольку проливает свет на культурно-исторический фон и реалистично воссоздает «место в жизни» (*Sitz im Leben*) всех без исключения евангельских диспутов: в первую очередь, на примере основных оппонентов Христа и применяемых Им Самим и его идейными противниками риторических и экзегетических приемов. Авторская аргументация выстраивается здесь преимущественно по принципу «от частного к общему», что позволяет сделать важные выводы относительно общепринятой «культуры иудейской полемики» и ее рецепцию и органическое единство с проповедью Христа. К несомненным достоинствам данного раздела исследования следует отнести его наглядность: герменевтические принципы, или «правила» толкования Закона в раввинистической традиции снабжаются конкретными примерами, позволяющими проследить идейное преемство с первыми полемической тактики и стратегии аргументации в евангельской риторике и герменевтике Христа.

Третья глава (31 стр.) представляет особый интерес в силу своей методологической новизны: изучение полемического материала перемещается из области исторического – *диахронического* – контекста в область анализа литературных форм, указывая тем самым на качественно новый – *синхронический* – этап исследования. На примере всех четырех Евангелий, вслед за краткой исагогической справкой, автор последовательно рассматривает и классифицирует выделенные им диспуты и полемические высказывания на предмет их сходства и внутренних различий, пытаясь выделить основные структурные элементы *диспута* как одного из основополагающих евангельских жанров. Из проводимого анализа явствует, что «полемические истории», пользуясь терминологией самого автора, органично вписаны в повествовательную и богословскую канву каждого из синоптических Евангелий.

С т. зр. методологии представляется интересным, что в качестве рабочего принципа здесь, помимо риторического, закладывается и статистический анализ; что позволяет установить степень заостренности конфликта в каждом из синоптических Евангелий. В этом смысле стоит особняком совершенно иное преломление полемики в Евангелии от Иоанна – вопрос, который, наш взгляд, требует дальнейшего рассмотрения и уточнения. В пределах данного исследования, сосредоточенного преимущественно на внутренних характеристиках евангельского рассказа (таких, как: стиль и историко-богословский контекст), представляют интерес именно те *общие черты* диспутов в редакции Иоанна в сравнении с синоптиками и их структурное наполнение. В связи с этим хотелось бы услышать от автора более

подробный комментарий на следующий тезис, помещенный им среди прочих *Выводов по главе*: «Полемика в Евангелии от Иоанна качественно отличается от полемики в синоптических Евангелиях, хотя имеет с ними и *нечто общее*» (с. 134; это несколько туманное выражение фигурирует и в тексте *Заключения*: с. 253).

В заключительной – *Четвертой* – главе (25 стр.) диссертант следует структуре, разработанной им в предыдущей главе, объединяя все рассмотренные им диспуты по тематическому принципу. План экзегетического анализа содержания каждого тематического раздела – одинаков: описание внутренней структуры диспута, лексико-семантический анализ ключевых терминов и понятий, богословские выводы. На данном этапе исследования в авторской аргументации преобладает описательный элемент, причем содержание евангельских эпизодов и сцен нередко пересказывается и цитируется дословно, в рамках приведенной риторической структуры. В результате подробного анализа основных положений диспута и логики его развития выстраиваются ценные богословские выводы, к которым – важно это подчеркнуть – автор приходит самостоятельно, на основании опытного соприкосновения, в первую очередь, с самими евангельскими текстами.

В этом контексте представляется важным затронуть такую проблемную тему, как соотношение *праведности* и *греха* в евангельском контексте, в качестве отправной точки взяв логию, или притчу о *заплате* и *мехах* (Мк. 2:21–22 пар.)². По мысли автора, «богословские комментарии двух притч несколько отодвигают на второй план прямое назначение этих притч в аргументации Христа» (с. 208), но так ли это на самом деле? Правомерно ли утверждать, что данное таинственное сравнение в синоптическом контексте может пониматься лишь как иллюстрация диспута о поспе? В Евангелии от Матфея, к примеру, данная, назовем ее «двойной», притча завершает целую серию диспутов, искусно связанных между собой и таким образом образующих единое целое: исцеление *расслабленного*, трапеза с *мытарями и грешниками* в доме Матфея и спор о *посте* (Мф. 9:2–17). Более того, вышеупомянутая логия, по замечанию одного из наиболее авторитетных исследователей Евангелия от Матфея, *beatae memoriae*, У. Луца³; в свою очередь, образует собой, смысловое ядро всей этой – по преимуществу богословской (!) – композиции. Отсюда делаем вывод, что проблема несовместимости мессианской *радости* и *поста*, отмеченная автором, в данном, *отдельно взятом* контексте неотделима от таких общеподобословских проблем, как соотношение *ветхости* и *новизны*, *праведности* и *греха* и, в конечном счете, – все они подводят нас к одной – по преимуществу богословской – проблеме: какова роль *Закона* как такового, каково значение Ветхого Завета для понимания Нового и наоборот.

Иными словами, сводное рассмотрение евангельских диспутов должно предполагать последующее дифференцирование (по принципу «от общего к частному») полученных результатов, исходя из богословского контекста каждого евангелиста. В связи с этим, необходимо затронуть и вопрос внутренней – т.н. *нарративной* – структуры каждого Евангелия, в границах которой приобретают исключительную важность такие основополагающие характеристики литературной композиции любого произведения, как упорядочение и группировка материала. Справедливости ради отметим, что и сам диссертант

---

² Данная тема была затронута нами в рамках международной научно-богословской конференции «Экзегетика и герменевтика Священного Писания», проходившей в Екатеринодарской духовной семинарии 5-6 февраля 2020 г., в докладе на тему: «“Под знаком милосердия” (Мф. 9:9–13): проблема соотношения праведности и греха в богословском контексте Евангелия от Матфея» (готовится к публикации).

³ См.: *Luz U. Das Evangelium nach Matthäus. B. II. (Mt 8–17). Neukirchen-Vluyn, 1990.*

нередко апеллирует к этому методологическому критерию, вкратце обозначая ближний контекст каждого из диспутов, но оставляет без внимания их внутренние взаимосвязи в пределах композиции, уникальной для каждого Евангелия. В этом смысле, особый интерес вызывает упорядочивание диспутов в смысловые единства, каждым евангелистом в отдельности. Действительно, уже в Евангелии от Марка можно наблюдать стратегически ориентированное расположение диспутов в самом начале повествования: вся 2-я гл. выстроена по этому принципу и представляет собой череду сменяющих друг друга диспутов. Какую оценку можно дать этому феномену в контексте проведенного исследования? Насколько значимым считает автор детальное рассмотрение этого вопроса и каково его богословское значение?

Плавно переходя к *полюемическому* элементу оппонирования, т.е. критическому рассмотрению формальных недостатков и недочетов работы, заметим, что *Заключение* всего исследования (6 стр.), как, впрочем, и две предшествующие ему главы; вызывают нарекания, в первую очередь, со т.зр. стилистики и оформления. Особенно отчетливо это проявляется при сравнении их с начальными главами диссертации, хорошо выверенными, с научной т.зр. Во-первых, вызывает нарекания сам стиль исследования в упомянутых разделах работы: он несколько сбивчив и хаотичен, изобилует повторами (ср. с. 221–222), а также стилистическими и грамматическими ошибками, что совершенно недопустимо для исследований подобного уровня. Так, на с. 233–235 описание герменевтического принципа «обобщения из одного стиха» повторяется трижды (!), встречаются дословные повторы тезисов в основной части работы и в выводах по главе, а также стилистически неясные и откровенно неудачные фразы (с. 249–250; это касается и *Заключения*: с. 255); причем эта тенденция характеризует и текст автореферата, который, по нашему мнению, излишне перегружен подробностями в описании основных этапов работы: с. 16–20 буквально «пестрят» шаблонными словами: «определяется структура спора и дается комментарий». Вызывает вопросы и правомерность столь масштабного использования в последних двух главах ссылок на Интернет-ресурсы (ср. с. 237).

Приведем примеры: на стр. с. 240–241 (сн. 598), в качестве иллюстрации мнения церковной традиции по вопросу евангельского упоминания о Христе, *Пишущем перстом на земле* (Ин. 8:8), приводится цитата со ссылкой на Интернет. Не лучше ли было в данном случае подобрать альтернативное высказывание в печатном издании творений того же или иного церковного автора, тем более, что из хода аргументации понятно, что эта цитата носит второстепенный характер? На стр. 149 (сн. 370) выдержка из «Толкования на Мф.» блаж. Иеронима так же приводится со ссылкой на Интернет-сайт: azbyka.ru. См. также: с. 208 (сн. 515); с. 228 (сн. 564). Более того, в содержательной части исследования наиболее используемые комментарии на Евангелие от Матфея и Иоанна (их всего 2!) взяты так же из Интернета! Чем можно объяснить такой *селективный* характер привлечения вспомогательных и основных источников, со стороны диссертанта?

Обращает на себя внимание и недостаточно унифицированный научный аппарат концевых сносок: наряду с общепринятыми стандартами их оформления присутствует и более распространенная тенденция, заключающаяся в том, что ссылка на словарную статью дается без указания имени автора и названия самой статьи – присутствует лишь название словаря и соответствующего тома. Это, в частности, касается всех ссылок на словари Balz-Schneider и Kittel: см. с. 106 (сн. 302–303); 118 (сн. 316–317); 139 (сн. 343) и т.д. Интересно, что данная практика повлияла и на оформление, несомненно, внушительной по объему

Библиографии (19 стр.), состоящей из 221 наименования монографий, статей и источников по теме исследования. Так, на с. 268 (п. 84–89); с. 278 (п. 197–202); ср. с. 276 (п. 178) каждый том словарей КЕЭ и Киттеля выносится в отдельную позицию *Библиографии*, что само по себе недопустимо. В соответствии с нормами, в подобных случаях ссылка на словарь дается единожды, с указанием общего количество томов – в самом конце.

С т.зр. содержания, многие формальные недочеты в основном тексте диссертации могут быть легко устранены путем перемещения второстепенной информации в сноски, что лишь придаст всему исследованию научной основательности и веса. Напр., на с. 232 многочисленные ссылки на используемые в ходе аргументации источники можно с успехом поместить в сноски; на с. 202 указание на Р. Бультмана так же можно опустить в подстрочный аппарат сносок с целью разгрузить основной текст; на с. 198 (сн. 493) автору необходимо пояснить свою мысль ссылками на конкретные тексты.

Помимо формальных, в тексте работы присутствуют и фактологические ошибки: на с. 195 (сн. 484) высказывание из талмудического трактата «Шаббат» приводится лишь частично, что искажает мысль всей цитаты: цель предписания, по мысли трактата, – не в запрещении, а, наоборот, в разрешении спасать из огня даже уже умершего человека в субботу (!). На стр. 222 Ирод Антипа ошибочно назван Иродом Агриппой. На с. 219–220 встречается неправильная транскрипция греч. гл. *μολυβομαι*; на с. 224 (сн. 554) немецкая фамилия Kimmel передана без «умлаута»; название *Страстной* седмицы *passim* передано строчными буквами (с. 226); неверно употреблены падежные формы мн.ч.: «молодожен» (с. 207), «Куш»; использование стилистически сниженной лексики: «плюс-минус (с. 120); «следом после диспута» (с. 210).

Отдельно следует сказать о неверных стилистических оборотах речи, которые иногда даже затрудняют понимание смысла всего высказывания либо вносят в него двусмысленность (ср. с. 111: Мф. «*написал* логии»; с. 134: «... хотя и *не однозначно*»; 158; с. 175: «текстуальные совпадения с Его собственным *Откровением*»; с. 195: «*покидают* спор»). На с. 121, к примеру, встречаем такое выражение: «*вопросительное возмущение*»; на с. 132 – «*двусмысленное знамение*»; на с. 242 – «*таинственное писание*»; на с. 248 – «*мирный спор*»; на протяжении всего исследования автором используется некорректный термин «*сводные истории*», «*акция*» (см.: с. 134, 160; ср. текст *Заключения* (с. 253–256: «особенности *сводного* спора», «*акция* в храме») – и автореферата: с. 7, 14: «*рассказ, сводный* в общих чертах»).

В завершение, давая общую оценку всему исследованию, укажем на его новаторский характер и несомненный научный потенциал, который обусловил, невзирая на все вышеперечисленные досадные недостатки и формальные погрешности, и неподдельный интерес к нему, с нашей стороны. В качестве очередной иллюстрации актуальности положений, выносимых на защиту, в рамках проведенного диссертантом анализа, позволим себе задать ему еще два дополнительных – теперь уже заключительных – вопроса:

1. Представляется ли перспективным, с т.зр. методологии, привлечение и интеграция в научную канву данного исследования литературной модели экзегетического анализа жанра евангельских *диспутов*, со стороны теоретиков школы «критики форм» (М. Дибелиуса и Р. Бультмана, чьи имена были упомянуты в работе)? И, если да, то: что бы это добавило к избранной соискателем форме презентации и литературного анализа диспутов?

2. Как объяснить тот факт, что, с одной стороны, заостренность полемики в Евангелии от Марка, в сравнении с прочими синоптиками, значительно ниже; с другой же, – позиция Христа в нем, как справедливо отмечает автор (см. с. 13 автореферата), напротив,

оказывается радикальнее? И, исходя из этого, почему, к примеру, в Евангелии от Матфея наблюдается обратная тенденция?

Подводя итоги, приходится в очередной раз констатировать высокий научный уровень и прикладной характер достигнутых в исследовании результатов. Исходя из этого, считаем, что – по факту внесения в текст необходимых правок и успешной защиты – настоящая диссертация может быть оценена на «отлично», а ее автор – удостоен искомой степени кандидата богословия.

Доктор теологии,
доцент Московской духовной академии

/ иером. Филофей (Артюшин)

05.03.2020

Религиозная организация – духовная образовательная организация высшего образования
«Московская духовная академия Русской Православной Церкви»
адрес: 141300, Московская область, г. Сергиев Посад, троице-Сергиева Лавра
e-mail: mpda@yandex.ru